

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

LXXVI

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
2013–2014**

Памяти Юрия Яковлевича Перепелкина

К 110-летию со дня рождения

ДОКЛАДЫ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2015

УДК 930.26(32)+7.032.2
ББК 63.3(0)3
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Ответственный редактор
А. О. Большаков

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 76 : Петербургские египтологические
Т78 чтения 2013–2014 : памяти Юрия Яковлевича Перепелкина : к 110-летию со дня
рождения : доклады / Государственный Эрмитаж. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа,
2015. – 212 с. : ил., X с. цв. вкл.

ISBN 978-5-93572-614-0

В сборнике статей, основанных на докладах, читанных на Петербургских египтологических чтениях 2013–2014 гг., представлены работы, относящиеся к важнейшим разделам египтологии: политической истории, истории религии и идеологии, эпиграфике и палеографии, а также посвященные отдельным группам памятников. Охвачены периоды от додинастики до греко-римского времени.

УДК 930.26(32)+7.032.2
ББК 63.3(0)3

Л. Перепечкин

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ПЕРЕПЕЛКИНА

А. О. Большаков

ЖИВОСТЬ НАСЛЕДИЯ ЮРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ПЕРЕПЕЛКИНА

Юрий Яковлевич Перепелкин родился 19 мая (1 июня) 1903 г. на Васильевском острове, в семье флотского офицера (позднее генерал-майора по Адмиралтейству) Якова Николаевича Перепелкина, инженера-артиллериста и оптика, одного из создателей оптической мастерской при Обуховском заводе, из которой выросло нынешнее ЛОМО. Семья была талантлива, младший брат Юрия стал замечательным астрономом, сестра – художницей, а сам он в детские годы увлекся Египтом и пытался читать надписи на сфинксах Аменхотепа III возле Академии художеств, благо находились они недалеко от дома. В 1917 г. семья перебралась в Севастополь, где в 1919–1920 гг. Яков Николаевич был городским головой. Понятно, что в военное время эта должность никак не была источником благ для порядочного человека. В 1920 г. он сообщал, что не имеет жилья, а у детей (вероятно, младших) нет возможности учиться в гимназии¹. Более того, она требовала принятия опасных решений – в феврале двадцатого пришлось спасать от небезызвестного вешателя Слащова нескольких руководителей городской администрации и думы, арестованных по подозрению в симпатиях к большевикам²; был и не очень понятный конфликт с правителем Юга России П. Н. Врангелем, вынудивший Якова Николаевича оставить должность в октябре 1920 г.³ Красный террор в Крыму каким-то образом обошел семейство Перепелкиных; более того, уже в конце 1920 г. Яков Николаевич оказывается заместителем председателя Севастопольского Совнаркома, в 1921 г. – членом Севастопольского Окружного Исполкома, в 1922 г. – ответственным секретарем Крымского Экономического Совета и в 1924 г. заместителем председателя Крымской Плановой Комиссии; следует заметить, что именно он руководил электрификацией Севастополя⁴.

Юрий Яковлевич поступил в Таврический университет в Симферополе, однако, так как интересовавших его гуманитарных специальностей в нем не было, он, в соответствии с семейными традициями, учился математике и физике. Университет в это время обладал блестящим преподавательским составом, начиная с ректора – В. И. Вернадского. Юрий Яковлевич вполне мог слушать лекции Н. М. Крылова и И. Е. Тамма (А. Ф. Иоффе к тому времени уже уехал из Крыма), и хотя он был гуманитарием, математическая и естественнонаучная подготовка не могли не наложить отпечаток на его мировоззрение; может быть, именно отсюда пошло его стремление доказывать каждое мельчайшее положение своих построений и излагать доказательства предельно точно.

В 1924 г. в Ленинграде потребовалась военно-инженерная квалификация Якова Николаевича, и Перепелкины вернулись на север. В Ленинграде Юрий Яковлевич учится египтологии на Факультете языкознания и материальной культуры университета. Главным его интересом была история религии (христианства и, в частности, православия) – тематика, постепенно становившаяся запретной, и египтология, в которой религиозную проблематику закрыть было невозможно, так как она составляет самую основу египетской культуры, была для него в каком-то смысле прибежищем, но стала делом жизни. Среди его преподавателей были В. В. Струве и М. Э. Матье, однако он считал себя автодидактом и о первом всегда отзывался с большой иронией, а второй никогда не поминал. К Н. Д. Флиттнер, также читавшей в университете, он относился с искренним уважением и приязнью⁵, но их интересы в науке были слишком различны. Среди тех, кто действительно оказал на него влияние, был П. В. Ернштедт, давший ему основательное знание коптского языка. Университет был окончен в 1927 г., за ним была аспирантура и защита в 1930 г. кандидатской диссертации по амарнской эпиграфике.

Затем следует работа в Музее / Институте книги, документа, письма (МКДП/ИКДП), где Юрий Яковлевич был хранителем древностей из коллекции Николая Петровича Лихачева. Эти годы дали ему совершенно необходимый египтологу опыт общения с подлинными памятниками, без которого нельзя должным образом натренировать глаз. В 1936 г. он выпустил небольшой путеводитель по древней и раннесредневековой части лихачевского собрания⁶, сохраняющий свою ценность и поныне и свидетельствующий, что он уже был сложившимся эпиграфистом высокого уровня и широчайших знаний. К этому времени им было опубликовано также несколько небольших статей со значительным разбором проблематики⁷.

От египтологов-сверстников Юрий Яковлевич был далек – и потому, что его собственный уровень был несопоставимо выше, и потому, что ему, ученому-аскету, претило стремление некоторых из них к должностям и благам, и, не в последнюю очередь, потому, что для него как человека глубоко религиозного, был неприемлем привносившийся ими в науку дух богоборчества в стиле Демьяна Бедного. Время, когда он радикально отстраняется от египтологического сообщества, можно определить как начало тридцатых годов. 10 декабря 1927 г. он пишет заявление с просьбой принять его в создававшийся тогда Египтологический кружок при ЛГУ⁸, то есть разделяет мысль о возможности и необходимости «дружной совместной работы», высказанную в его Уставе⁹, в 1930 г. он еще состоит в ревизионной комиссии Круга¹⁰, хотя никаких других следов его присутствия в этом сообществе нет, а позднее его имя практически перестает звучать¹¹. Возможно, определенную роль сыграли окончание аспирантуры и начало работы в ИКДП, отдалившие его от университета, с которым так или иначе было связано большинство египтологов, но представляется, что главным образом это был вполне осознанный выбор. Позднее закрытость Юрия Яковлевича должна была еще больше усилиться в связи с историей его брата Евгения Яковлевича, ярчайшего астронома, арестованного в 1937 г. незадолго до предполагавшегося – в возрасте тридцати одного года – выдвижения в академики, и вскоре безвестно погибшего¹². Юрий Яковлевич стал предельно осторожен, надел маску чудака не от мира сего и носил ее до конца жизни, успешно скрывая за всеобъемлющей иронией то, что происходило внутри¹³. При этом в своих исследованиях он был отважен и ни в чем не покривил душой.

Из-за этой закрытости практически невозможно реконструировать внутреннее развитие Юрия Яковлевича как исследователя¹⁴. Более того, статей, в которых лучше и быстрее всего отражается прогресс ученого, он почти не писал, почитая этот жанр слишком мелким для серьезных тем¹⁵, заслуживающих внимания; его книги десятилетиями лежали неопубликованными¹⁶ и выходили без указания даты завершения, а поскольку писал он легко и быстро, почти без черновиков, от него осталось очень мало подготовительных бумаг, по которым можно было бы судить о том, когда, чем и как он занимался. Можно полагать, что за предвоенное десятилетие им был начитан основной корпус египетских текстов разных периодов и особенно глубоко изучены амарнские памятники, а по части эпиграфики были накоплены большие знания и выработана замечательнейшая исследовательская техника, о чем свидетельствуют две его статьи, увидевшие свет лишь недавно¹⁷. О прочем известно, что в довоенные годы он участвовал в написании «Всемирной истории», которая так и не увидела свет, но отняла много времени и сил. Вероятно, в это же время Юрий Яковлевич пришел к мысли о необходимости учета в любом египтологическом исследовании психологии древнего человека, сильно отличающейся от современной, без чего мы не в состоянии понять его мировосприятие и обречены на фатальное непонимание его поступков. Если это действительно так (а в дальнейшем он постоянно использовал этот подход), он был, по-видимому, первым в мировой египтологии, кто принял за основу практической работы концепцию нетождества древнего и современного сознания, в наше время являющуюся уже вроде бы и самоочевидной предпосылкой исследования, но, к сожалению, очень часто остающуюся бесполезным украшением для вполне банальных работ.

После закрытия ИКДП в 1938 г. Юрий Яковлевич работает в Ленинградском отделении Института истории и ведет в университете курсы по языку и истории Египта. Судя по успеху его публичных лекций шестидесятых – семидесятых годов, лектором он был отличнейшим, и можно только жалеть, что преподавание было только более или менее продолжительным эпизодом в его жизни. Среди его учеников этого времени Николай Сергеевич Петровский; в первую блокадную зиму он был единственным оставшимся студентом-египтологом, и Юрий Яковлевич регулярно ходил в университет для занятий с ним¹⁸. Затем были эвакуация в Ташкент, преподавание в Среднеазиатском государственном университете и возвращение в Ленинград. Началась осложнявшая жизнь череда переводов из одного учреждения в другое: Институт востоковедения (1943) – Ленинградское отделение Института истории (1951) – Сектор рукописей Института востоковедения (1953) – снова АО ИИ (1956) и, наконец, окончательно АО ИВ (1959). Во время одного из этих переводов его бумаги где-то затерялись, и он несколько месяцев продолжал ходить на работу без зарплаты, не обращаясь по этому поводу в бухгалтерию, – очень характерное для него поведение¹⁹.

В послевоенные годы Струве как директор Института востоковедения перебрал Юрия Яковлевича на занятия социально-экономической проблематикой Старого царства. Тогда вышли всего три небольших статьи²⁰, но главным была работа над большим исследованием хозяйства этой эпохи, впоследствии опубликованная лишь частично. Очень быстро он стал одним из крупнейших в мире исследователей Старого царства, а многое из того, что было сделано, и поныне не имеет аналогов в мировой египтологии.

Одновременно шла работа над главами по Египту для первого тома очередной «Всемирной истории». Задачей было написание социально-экономической истории древности в рамках струвистского преломления марксизма²¹, однако текст Юрия Яковлевича²² в эти рамки принципиально не укладывался. Ему была понятна невозможность чисто формационного описания истории, и в годы, когда основной целью советской истории Древнего Востока было выискивание рабовладения, он сделал все для того, чтобы вообще избежать упоминания общественного строя древнеегипетского общества. Для того времени это был Поступок. Удивительно, что текст в целом удалось отстоять, хотя он и был покалечен и обездушен. В редакционном предисловии появилась восхитительная фраза: «В главах по истории Египта, написанных Ю. Я. Перепелкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнения в части общих выводов и некоторых частных характеристик»²³; к первой из этих глав кем-то был приписан стандартный вводный раздел «Образование классового общества в Египте»²⁴, но они все-таки не были заменены на что-то.

Параллельно с этим Юрий Яковлевич продолжал заниматься главной темой своей жизни – солнцепоклонничеством Эхнатона. Согласно О. Д. Берлеву, это исследование было «в значительной мере» завершено в эвакуации и окончательно оформлено по возвращении в Ленинград²⁵. Не верить ему нет оснований²⁶, но поверить безоговорочно очень трудно – количество и, главное, дробность использованного эпиграфического материала таковы, что с ним невозможно работать без хорошей специализированной библиотеки, которой в Ташкенте не было. Вероятно, в эвакуации шло осмысление проблематики и уже отработанного материала, а написание текста очень значительного объема и великой технической сложности было проделано в основном в послевоенные годы. Как бы то ни было, рукопись была сдана в издательство только в 1959 г. и пролежала там без движения восемь лет.

К этому времени он несомненно был одним из величайших и оригинальнейших египтологов мира, однако в шестьдесят с лишком лет у него было всего полтора десятка публикаций, преимущественно мелких, а основные труды лежали либо в столе, либо в издательстве, без какой-либо надежды увидеть свет; его уважали даже противники (иначе его главы из «Всемирной истории» были бы просто выкинута), но пути ему не было. В ленинградском востоковедении существовало убеждение, что это было связано с позицией Струве, видевшего в Перепелкине соперника и препятствовавшего его публикациям, не жалея в то же время хвалебных слов о нем²⁷. Доказать это документально, разумеется, невозможно, но в высшей степени показательна хронология: 1965 – смерть Струве; 1966 – публикация «Частной собственности»²⁸; 1967 – публикация первой части «Амен-хотпа IV»²⁹; 1968 – публикация «Тайны золотого гроба»³⁰; 1969 – второе издание «Тайны»³¹; тогда же была, наконец, защищена докторская диссертация³². Таких совпадений просто не бывает.

Продолжилась работа над новыми книгами. Прижизненно вышла одна – «Кэйе и Семнех-ке-рэ»³³, посмертно две – вторая часть «Амен-хотпа IV»³⁴ и, трудами Е. С. Богословского, «Хозяйство староегипетских вельмож»³⁵; третья часть «Амен-хотпа IV», которая должна была выявить «связи переворота в его развитии с разными общественными кругами и местностями во всем его многообразном выражении – общественном, государственном, мировоззренческом и художественном»³⁶, то есть завершить исследование амарнской эпохи, осталась написанной лишь отчасти. Причиной того, что

Юрию Яковлевичу не удалось завершить собственные труды, была работа над разделами по Египту для новой «Истории Древнего Востока», подготавливавшейся Институтом востоковедения³⁷, которая писалась и многократно радикально и мучительно перерабатывалась в соответствии с указаниями свыше на протяжении более чем десяти лет и отняла у всех авторов огромное количество времени и сил.

Заниматься здесь разбором этих книг нет надобности — их значение слишком очевидно. Важно другое — появление уже первых из них принципиально и разом изменило лицо советской египтологии: многое из того, что казалось важным, стало отходить на задний план, появились новые приоритеты и ориентиры, изменился сам подход к исследованию. Они должны были оказать огромное воздействие на новое поколение египтологов, которое как раз набирало силу, и действительно, работы О. Д. Берлева и Е. С. Богословского при всей яркой индивидуальности их авторов, несут черты сильнейшего влияния книг Юрия Яковлевича и общения с ним. И тот, и другой были его учениками лишь отчасти и в большой степени образовывали себя сами, но он дал им главное — показал куда и как двигаться. Это дает нам право говорить о существовании с начала 60-х гг. школы Перепелкина. Ее основные принципы — тотальный учет памятников, комплексная работа с ними и внимание к специфике древнего мышления, знание лучшего в старой египтологии и строгий запрет на модные теории³⁸.

Школа Перепелкина оказалась интереснейшим явлением. Она была основана на огромном научном и абсолютном моральном авторитете Юрия Яковлевича при полном отсутствии какого-либо преклонения перед ним, без чего, увы, не могут обойтись очень многие крупные ученые, на принятии и разделении его научных ценностей. То, что она никогда не была каким-то формальным образом конституирована, позволило ей сделать то, что в русской египтологии никогда не удавалось — пережить смерть своего создателя, а затем и уход его старших учеников и смену поколений, происшедшую в критических условиях развала государственности³⁹. Подавляющее большинство нынешних египтологов Юрия Яковлевича никогда не видело, но его наследие продолжает жить, причем не как памятник, а как составная часть идущего ныне научного процесса. Здесь мы наконец подходим к проблеме, сформулированной в заголовке статьи — живости этого наследия.

Юрия Яковлевича нет с нами более тридцати лет, а работы его построены в основном на корпусе источников, опубликованных к рубежу пятидесятих и шестидесятих годов. Если говорить о двух основных направлениях его работы, это означает, что количество доступных памятников Старого царства после его смерти едва ли не удвоилось, а проблематика солнцепоклонничества значительно расширилась в том, что касается ранних лет Аменхотепа IV и конца правления Аменхотепа III. Тем не менее, книги Юрия Яковлевича удивительнейшим образом не устаревают. Проще всего сослаться на блистательный талант их автора и это, безусловно, будет правдой, но вместе с тем и уходом от объяснения многогранного феномена Перепелкина. Юрий Яковлевич в своей работе был прежде всего классичен. Под классичностью я понимаю то, что он, ни разу не побывав за границей, всецело принадлежал к мировой и прежде всего немецкой египтологической традиции в том виде, в каком она существовала в золотой век египтологии между двумя мировыми войнами. Этот период характеризует замечательное сочетание молодости и зрелости — до времени Масперо и даже Лепсиуса совсем недалеко, а все великие более позднего времени, начавшегося с Эрмана, живы и находятся

на подъеме. Наука еще занимается ключевыми проблемами (скольких она не заметила — дело другое) и предлагает их решения, которые мы не можем игнорировать и сейчас; она не разменивается на мелочи, ей многое удастся, и это порождает атмосферу оптимизма; она не засорена множеством ненужных публикаций и случайных людей, и каждый ее участник — личность. Юрий Яковлевич смотрел на эту традицию со стороны и не мог видеть ее темных сторон, связанных с повседневной суетностью и взаимоотношениями людей, и это позволило ему взять из нее лучшее и перенести на русскую почву; вместе с тем, будучи отстраненным и от советской науки, он избежал многих ее болезней в том, что касается направления и методов исследования. Эту классическую основу он развивал всю свою жизнь, не только не отставая от времени, но и опережая его. Научные моды возникали и исчезали, а он оставался; что самое замечательное, теперь, уже без него, то же самое происходит с его книгами — в них заложено так много, что они постоянно открываются по-новому при каждом прочтении.

Еще одно его свойство — и как человека, и как ученого — последовательность. Проблема, которой он занимается, всегда рассматривается так, что у читателя обязательно возникает ощущение ее разрешимости, а это порождает уверенность в силах человека без обожествления их. Это идет от метода. Юрий Яковлевич во всем, что он делает, совершеннейший позитивист, памятник — критерий всего. Теория у него никогда не предшествует практике, он всегда собирает все доступные свидетельства и каким-то образом представляет их так, что систематизация материала, проделанная филологом и эпиграфистом, сама порождает историческую реконструкцию. При этом он подводит читателя к каждой сложности, объясняет, в чем состоит ее суть и как ее можно преодолеть; автор и читатель идут по исследованию рука об руку, ведя постоянный диалог. Человеку самонадеянному это может показаться избыточной опекой, для человека, умеющего учиться, это неоценимая помощь. В этом смысле особенно замечательна «Частная собственность» — книга, которую студенту и начинающему ученому следует перечитывать каждый год, чтобы научиться работать с материалом, представлять его и делать выводы.

Юрий Яковлевич чрезвычайно гармоничен во всех отношениях, в том числе во взаимодействии личности с наукой. Его знания огромны, но он прекрасно сознает их ограниченность, равно как и ограниченность всей науки⁴⁰ — взгляд на мир как будто пессимистический, но его работы удивительным образом бодрят, так как он находит удовольствие в самом процессе познания и щедро делится им с нами. Поэтому у него принципиально невозможно какое-либо заикливание на себе и самолюбование, в той или иной степени присутствующее в работах подавляющего большинства; от самовыражения только изящно архаизированный язык. Он христианин, но его вера никогда не влияет на его выводы, в том числе и там, где он занимается египетской религией — вещь редчайшая и почти невероятная.

То, чем и как занимается русская египтология, в значительной мере предопределено трудами и наставлениями Юрия Яковлевича. Величайшая его заслуга состоит в том, что он сумел сохранить египтологическую классику, подняв ее на качественно новый уровень. В результате его школа, не растрачивавшая силы на модные теории, достигла больших успехов в изучении как социально-экономических отношений, так и идеологии Египта. Она остается заповедником традиционных методов, в чем ее слабость, но и ее сила. От многого из того, что она в своем развитии пропустила, западная наука уже отказывается, до многого из того, что она сделала, западная наука еще не дошла.

К сожалению, Перепелкин остается практически неизвестным за пределами России — и из-за его неизбывной осторожности, исключавшей контакты с иностранцами, и из-за совершенного неумения пропагандировать свои достижения, и из-за языкового барьера. Последний, впрочем, далеко не главная преграда: когда перевод «Частной собственности» был опубликован в Германии⁴¹, его предпочли не заметить, потому что не поняли, — принять Перепелкина значит отказаться от многих привычных взглядов, жить с которыми удобно и уютно. Поэтому до сих пор многое делается заново, особенно по части изучения солнцепоклонничества, а исследовательского инструмента, хотя бы сколько-нибудь приближающегося к первой части «Переворота Амен-хотпа IV», так и не появилось. Английскую версию «Тайны золотого гроба» знают, но она теряется в огромной литературе по сходной тематике. Обидно и за Юрия Яковлевича, и за египтологию, однако у нас есть основания и для некоторого оптимизма — там, где русские ученые идут по путям, проложенным Перепелкиным, они имеют явные преимущества перед теми, кто этих путей не знает.

¹ Алтабаева Е. Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь, 2004. С. 334.

² Там же. С. 273–274. Сам Слащов в своих воспоминаниях эти события излагает иначе, пропуская одни эпизоды и включая другие (*Слащов Я. А.* Белый Крым, 1920. Москва, 2013. С. 80); впрочем, для него все это было лишь не заслуживающей внимания мелкой помехой при подготовке к Юшуньскому бою.

³ По сути, имел место типичный конфликт между гражданской и военной администрациями; оппоненты Врангеля, по его собственным словам, не принимали «идеологии Русской армии, вынужденной во имя успеха той борьбы, которую она вела не на жизнь, а на смерть, стать на принцип военной диктатуры» (*Врангель П. Н.* Воспоминания. Москва, 2006. С. 638). Конкретной же причиной отставки была какая-то записка, переданная членами городского самоуправления во главе с Перепелкиным французскому генеральному комиссару и направленная, по мнению Врангеля, на дискредитацию правительства Юга России (Там же. С. 640). Кто и насколько был прав, сказать теперь трудно; по крайней мере, Врангеля не любили и не любили за дело. «Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете. Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили..., что Бог карает Вас за непомерное честолюбие... Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло» (из письма Врангелю сваленного им А. И. Деникина — *Деникин А. И.*

Очерки Русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 339); «...он не мог терпеть около себя людей с собственной волей и приближал льстецов, не говорящих неприятностей. Точно так же он не мог терпеть и ореола популярности около кого бы то ни было, кроме себя» (*Слащов*. Ук. соч. С. 198).

⁴ О нем: Яков Николаевич Перепелкин [некролог] // ОМ. 2 июля 1935. № 11 (65). С. 2.

⁵ Называл ее светлым человеком — оценка, которой я больше от него не слышал.

⁶ [Перепелкин Ю. Я.] Академия Наук СССР. Институт книги, документа, письма. Описание выставки «Письменность древнего мира и раннего Средневековья». Путеводитель. Москва — Ленинград, 1936.

⁷ См. список работ в *Perepelkin Ju. Ja. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs* / Hrsg. und übersetzt von R. Müller-Wollermann. Tübingen, 1986. S. VIII–X.

⁸ *Большаков А. О.* Ленинградский Египтологический кружок: полгода предыстории // *AegR*. 2014. Вып. 2. С. 118.

⁹ Там же. С. 114.

¹⁰ Состав Египтологического кружка при Ленинградском Государственном Университете // *СЕК*. 1930. Вып. 4. С. 31; *Большаков А. О.* Ленинградский Египтологический кружок: у истоков советской египтологии // *Культурно-антропологические исследования*. Вып. 2. Новосибирск, 2011. С. 8.

¹¹ Несомненно, немалую роль в этом сыграло то, что Кружок занимался антирелигиозной

пропагандой. Так только в конце 1929 – начале 1930 г. его члены провели две антирелигиозные лекции в клубе им. Скудре (Александровская больница, она же им. 25-го Октября) и в клубе больницы им. Бехтерева и готовили антирелигиозную выставку в клубе фабрики “Красный треугольник” (Хроника // СЕК. 1930. Вып. 4. С. 32). То, что это делалось не по велению души, а по указке сверху, и было одним из условий существования египтологического общества при университете, не только не смягчало ситуацию, но должно было делать ее особенно тягостной для Юрия Яковлевича – верующий человек, пропагандирующий безбожие (такой была, например, М. Э. Матье, председатель Кружка) для приверженца любой идеологии куда более неприемлем, нежели честный и последовательный атеист.

¹² О нем см., например, *Гневашев М. Н.* Евгений Яковлевич Перепелкин (1906–1937 гг.) // ИАИ. 1969. Вып. 10. С. 241–244.

¹³ Именно таким видел его в середине 30-х гг. двадцатилетний И. М. Дьяконов (Книга воспоминаний. Санкт-Петербург, 1995. С. 354–357): «Юрий Яковлевич Перепелкин был выдающимся ученым, но прежде всего он был замечательным и совершенно своеобразным человеком. Что в нем содержалось – было полностью скрыто внутри, и мне понадобилось полвека, чтобы понять и оценить его. Тот же, кто встречался с ним случайно – как я тогда в ИКДП, – видел только черты внешнего чужачества. Бледное лицо, бледные усы, много понимающие, но себе на уме глаза, некоторая непривычная для 30-х гг. подтянутость при весьма скромной одежде (ордерный костюмчик из дешевой синей фланели) – так же бедно он одевался и позже, когда уже получил степень доктора без защиты и звание старшего научного сотрудника, – руки чисто вымытые и часто вновь умываемые с мылом, чаще даже скрытые в перчатках, манера насмешливо титуловать каждого (хоть бы и меня) „профессор“... – и обязательно с именем и отчеством, – рукопожатие, представляющее целый обряд, какая-то непрестанная ирония к другим и к себе». Это описание очень точно; когда я познакомился с ним, он, постаревший на четыре с лишним десятилетия, выглядел и вел

себя практически так же. Без маски Юрий Яковлевич появляется, пожалуй, только в воспоминаниях его внучатой племянницы А. Е. Фокиной (Мой дедушка Юрий Яковлевич Перепелкин // ПЕЧ 2009–2010. С. 301–307).

И все же, как их ни скрывай, истинные чувства где-нибудь да выйдут на поверхность. У Юрия Яковлевича это происходит там, где он пишет о Нефертити, – он совершенно очевидным образом восхищается ее красотой, обаянием, способностью внушать к себе любовь. Его слова о двух берлинских головах Нефертити проникнуты подлинным романтизмом, особенно поразительным в сугубо научной книге, отличающейся жесткой логикой и переполненной ссылками на памятники: «Одна голова известняковая, раскрашенная, в высоком синем венце, с утонченными чертами лица, в которых спокойная приветливость почти заглушена выражением неприступности... Другая... песчаниковая..., с лицом невозмутимо-нежным, с необыкновенно улыбкою, бесконечно тихою и сдержанною... Многоцветная голова, видимо, очень верна действительности. Такою „госпожа земли до края ее“ могла представлять перед подданными. Песчаниковая голова производит впечатление преображенной действительности» (*Перепелкин Ю. Я.* Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. Москва, 1979. С. 26, 27). Говоря об отсутствии влияния царицы на управление государством, он заключает: «Но нам ли жалеть, что такого влияния ее незаметно? Если б она делила ответственность за государственные дела со своим мужем, сохранил ли бы ее образ хотя бы тень своей обаятельной женственности?» (*Перепелкин Ю. Я.* Тайна золотого гроба. Москва, 1968. С. 58). Что же касается описаний гармонии, пронизывавшей отношения Нефертити, Эхнатона и их дочерей, то они сделаны с доброй и печальной улыбкой, в которой чувствуется горечь из-за отсутствия собственного семейного счастья.

¹⁴ До какой-то степени это возможно применительно ко времени его работы в МКДП/ИКДП, когда, как и должно быть в молодости, развитие было особенно быстрым

- и отражалось в анализе и представлении конкретных памятников; см. *Большаков А. О.* Юрий Яковлевич Перепелкин и староегипетские памятники лихачевской коллекции // ПЕЧ 2005. С. 25–40.
- ¹⁵ Некоторые считали, что он не писал статей, чтобы не публиковаться под одной обложкой с людьми, которых он не уважал или презирал; такое мнение автор слышал от О. Д. Берлева и И. М. Дьяконова, но насколько оно справедливо, сказать трудно.
- ¹⁶ Об этом ниже.
- ¹⁷ *Перепелкин Ю. Я.* О происхождении минускульного письма // Приложение к: М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. Санкт-Петербург, 2001. С. 253–308; *Перепелкин Ю. Я.* Основы египетской раннединастической эпиграфики // Приложение к: М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. Санкт-Петербург, 2001. С. 309–335. Публикация этих статей как приложения к весьма заурядной книге ученика Юрия Яковлевича – большая ошибка ее редактора А. С. Четверухина.
- ¹⁸ Из рассказов Н. С. Петровского о войне, на которые он иногда отвлекался во время своих университетских лекций.
- ¹⁹ Рассказ О. Д. Берлева автору. Стоит добавить, что когда недоразумение каким-то образом разрешилось и Юрия Яковлевича спросили, почему он молчал, он ответил, что думал, что никакой ошибки не было – изыщное издевательство, которое не могло не доставить ему некоторое удовольствие.
- ²⁰ *Перепелкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // СВ. 1949. Т. 6. С. 302–311; он же. О деньгах в древнейшем Египте // Древний Египет. Москва, 1960. С. 162–171; он же. «Дом пшнау» в Старом царстве // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. Т. I. Москва, 1962. С. 138–142.
- ²¹ Не очень удачный термин, так как струвизмом уже называются экономические и политические взгляды П. Б. Струве, но как называть марксизм применительно к древней истории?
- ²² Всемирная история. Т. I. Москва, 1955. С. 148–190, 266–287, 326–365, 570–573, 579–588.
- ²³ Там же. С. 14.
- ²⁴ Там же. С. 144–147. Имя автора этих четырех страниц не сохранилось, что только справедливо.
- ²⁵ *Берлев О. Д.* Египтология // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Москва, 1972. С. 503.
- ²⁶ В конце концов, сам Перепелкин писал в предисловии к книге Берлева, что у того «не в обыкновении утверждать что либо без обоснования» (*Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. Москва, 1972. С. 3).
- ²⁷ «В. В. не любил талантливых людей, которым наука давалась легко» (*Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. Санкт-Петербург, 1995. С. 41); «Струве, всегда в душе шахматист, постарался помочь уйти из египтологии наиболее многообещающим» (*Дьяконов*. Ук. соч. С. 419, 420); то же, что Перепелкин – величина мировая и, стало быть, главная опасность, было ясно; к тому же он со студенческих лет был «постоянным и упрямым оппонентом» Струве (*Пиотровский*. Ук. соч. С. 41). Насколько очевидным для окружающих (даже не египтологов) было превосходство вечного кандидата наук над обласканным властями академиком, можно судить по тому, как не признававший условностей (его звали «королем бестактности») и не страдавший чиновничеством С. Я. Лурье на заседании, где председательствовал Струве, публично выразил радость, что «здесь присутствует наш крупнейший египтолог – Юрий Яковлевич Перепелкин» (*Лурье Я. С.* История одной жизни. 2 изд. Санкт-Петербург, 2004. С. 14). Струве, по блестящему определению Н. Д. Флиттнер, «человек добродушный, но не добрый» (*Дьяконов*. Ук. соч. С. 418), действовал соответственно – бил, но не смертельно; не даром сам Юрий Яковлевич со своим язвительным смешком называл его «всемилоостивейшим» и «наивсемилоостивейшим». Я меньше всего хочу огульно хулить Струве – у него были несомненные достоинства (см. *Большаков А. О.* Василий Васильевич Струве // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Москва – Иерусалим, 2000. С. 49, 50), проистекавшие отчасти из упомянутого добродушия, но и о грехах невозможно умолчать.

²⁸ Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. Москва – Ленинград, 1966 (Палестинский сборник. Вып. 16).

²⁹ Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. Москва, 1967.

³⁰ Перепелкин. Тайна...

³¹ Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. 2-е изд. Москва, 1969. В семидесятые годы последуют издания на чешском, грузинском и английском языках. О том, насколько популярна была «Тайна», замечательно свидетельствует обыгрывание ее в рассказе Кира Булычева «Кладесь мудрости». Не могу удержаться от большой цитаты, тем более, что этот рассказ, наверное, прошел мимо значительной части египтологов. Итак, Корнелий Удалов, получивший дар всеведения, идет по улице своего городка Великий Гусляр, где часто случаются всяческие чудеса космического происхождения:

«У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом – мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: „Тайна золотого гроба“. Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она просто про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

– А вы чего же?

– Я археологией не интересуюсь, – громко ответил Удалов. – Скучновато изложено.

– Граждане! – перебила Удалова продавщица. – Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

– Вот, – сказал поучительно Стендаль. – Мало читаете, Корнелий Иванович.

– Читаю, сколько могу, – ответил Удалов с достоинством. – Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

– Он знать не может, – сказала продавщица. – Мы эту книгу сегодня в ночь получили. <...> Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

– Ах так! – возмутился Удалов, теряя

контроль над собой. – Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху <...>

„Тут же, на севере столицы, – полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, – были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпа IV, в большом количестве Семнех-керэ, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анхс-эм-п-йот. Однако вместе со щитками Нефр-эт...“ <...>

– А ну-ка, – сказал лысый дядя в гимнастерке. – Ты читай нам со страницы сто двадцатой. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил. <...>

– „Го“, – сказал Удалов. – Это перенос со страницы сто девятнадцать. „Го для Рэ... Кийа“ с добавлением многолетия „жива она!“ <...>

– Правильно, так тебя перетак! – пришел в восторг человек в гимнастерке. <...> С твоими талантами учиться надо.

– Спасибо, – сказал Удалов, застеснявшись. <...>

Вслед неся голос опомнившейся продавицы:

– Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и ее мужа? Сегодня получено из Москвы!».

Это если не слава, то что-то очень похожее на нее, даже учитывая, что Кир Булычев – в миру востоковед Игорь Всеволодович Можейко.

³² Согласно рассказу И. В. Виноградова, работавшего в то время в институте и видевшего события изнутри, Юрий Яковлевич не хотел этой защиты, и его пришлось заставлять чуть ли не силой. Однако, хотя докторская степень была ему не нужна, она официально подтвердила его статус и, хочется думать, несколько облегчила его жизнь. Во всяком случае, она позволила ему после увольнения на пенсию числиться консультантом, то есть не порывать с институтом и не терять в деньгах.

³³ Перепелкин. Кэпс...

³⁴ Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 2. Москва, 1984.

³⁵ Перепелкин Ю. Я. Хозяйство староегипетских вельмож. Москва, 1988.

³⁶ Перепелкин. Переворот... Ч. 2. С. 3.

³⁷ Перепелкин Ю. Я. Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II. Москва, 1988. С. 293–580.

³⁸ «Для структуралиста *Отворите мне темницу, // Дайте мне сиянье дня, // Черноглазую девицу, // Чернозвизового коня!* означает, что девица и конь – одно и то же. Но ведь он не пугает, кого из них целовать». И смешок. С тех пор я к структурализму всерьез относиться не могу. Ни разу об этом не пожалел.

³⁹ Школа В. В. Струве пресекалась вместе с ним и его учениками в середине шестидесятых годов. Произошло это прежде всего из-за того, что поколение учеников в силу изначально заложенных в парадигму этой школы

жесткости и догматизма принципиально не могло подготовить достойную смену. Шанс в свое время был у школы Б. А. Тураева, которая основывалась на принципах, во многом сходных с перепелкинскими, но он остался нереализованным из-за ранней смерти Бориса Александровича и гибели и рассеяния его учеников в перипетиях послереволюционного времени.

⁴⁰ Я уже писал о его представлении о науке как об узком лучике света, выхватывающем в темной комнате отдельные детали неизвестно чего и пытающейся сложить из них какую-то картину (*Большаков А. О.* Демиург. Заметки об Олеге Дмитриевиче Берлеве // ПЕЧ 2007–2008. С. 15).

⁴¹ *Perepelkin. Privateigentum...*

В «Петербургских египтологических чтениях 2009–2010» был опубликован ряд уникальных фотографий Ю. Я. Перепелкина из архива его внучатой племянницы А. Е. Фокиной. В подборку не вошли некоторые фотографии, связанные с его детством. С разрешения Анастасии Евгеньевны они воспроизводятся здесь, так как в них замечательно отразилась атмосфера семьи Перепелкиных – то, откуда пошла его неповторимая личность.

Родители – Яков Николаевич и Марья Алексеевна

Яков Николаевич Перепелкин с детьми – Евгением, Марией, Юрием

Юрий (Яковлевичем называть еще рано, но характер уже виден)

Гостиная в квартире Перепелкиных